Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, № 5 (158), 2026

УДК 373:371.381.2 EDN: HRVOJP

# Формирование универсальных компетенций через культуру досуга: от исторического анализа к современной образовательной экосистеме

Э.М. Кушнерова

В центре исследования находится феномен свободного времени как социально-педагогическая проблема. Статья прослеживает историческую трансформацию концепций досуга – от аристотелевской «схоле» как созерцательной практики до современной «культурной индустрии», предлагающей пассивный «квазедосуг». В исследовании определено, что в эпоху перехода к «цивилизации досуга» именно качество использования свободного времени становится индикатором не только уровня жизни, но и потенциала общественного развития. В контексте смены педагогических парадигм с техногенной на гуманистическую, особое значение приобретает формирование универсальных компетенций: критического мышления, креативности, саморегуляции и способности к осмысленной рефлексии. Эти компетенции могут быть эффективно сформированы через целенаправленное воспитание культуры досуга, начиная с раннего возраста. Статья предлагает рассматривать модель «образование на протяжении всей жизни» и «образовательные экосистемы» как адекватный ответ на вызовы цифровой эпохи, где досуг рискует быть поглощенным потребительскими симулякрами.
**Ключевые слова:** универсальные компетенции, досуг, критерии, образование, культура досуга, образовательные экосистемы.

The study focuses on the phenomenon of free time as a socio-pedagogical problem. The article traces the historical transformation of leisure concepts – from Aristotle's «schole» as a contemplative practice to the modern «cultural industry» offering passive «quasedo-leisure». It is determined that in the era of transition to a «civilization of leisure», the quality of free time use is becoming an indicator not only of living standards but also of the potential for social development. In the context of the shift in pedagogical paradigms from a technocratic to a humanistic model, the development of universal competencies, such as critical thinking, creativity, self-regulation, and the capacity for meaningful reflection, assumes particular importance. These competencies can be effectively developed through targeted promotion of a culture of leisure, starting from an early age. The article proposes considering the «lifelong learning» model and «educational ecosystems» as an adequate response to the challenges of the digital age, where leisure risks being absorbed by consumer simulacra.
**Keywords:** universal competencies, leisure, criteria, education, leisure culture, educational ecosystems.

Общественные трансформации никогда не происходят в абстрактной пустоте – они всегда укоренены в конкретной исторической реальности, в уникальном сплетении времени и пространства. В этом непрерывном потоке социальных изменений системы образования выступают не пассивным фоном, а активным и взаимосвязанным элементом. Как отмечал социолог Пётр Штомпка, эта динамика отражает глубинное свойство человеческой природы: вечное беспокойство, стремление к лучшей доле и неугасимый поиск нового [1]. Эта идея находит свое воплощение, например, в концепции всестороннего развития личности, которая становится социально востребованной и реализуемой лишь тогда, когда общество достигает определенной зрелости и создает для этого необходимые социально-экономические предпосылки.

Сегодня мы являемся свидетелями масштабной смены образовательных парадигм. Если раньше доминировала техногенная модель, ставившая во главу угла эффективность и функциональность, то теперь на смену ей приходит антропогенная парадигма с ее гуманистическим ядром. В центре новой педагогической культуры оказывается сам человек, его уникальность и потенциал. Антропологический подход становится для педагогики ключом к открытию подлинных закономерностей человеческого развития и проектированию на их основе принципиально иных образовательных моделей [2]. Без глубокого понимания своей собственной природы и предмета изучения педагогика рискует остаться лишь констатирующей дисциплиной, утратив конструктивную, преобразующую роль. Возвращение к антропологическим истокам – это и условие для плодотворной интеграции с психологией, социологией, философией, биологией и другими науками о человеке, что открывает путь к целостному знанию.

При этом любой серьезный прогноз развития общества был бы неполным без анализа роли свободного времени. Сегодня оно превратилось из маргинальной категории в один из

ключевых индикаторов не только уровня, но и качества жизни. Вопрос уже не в том, есть ли у человека свободные часы, а в том, как они используются, каким ценностям и целям служат. В научном дискурсе сложились два основных подхода к его изучению: экономический, рассматривающий свободное время как ресурс для воспроизводства и развития человеческого капитала, и социологический, исследующий его как сложный феномен, зависимый от исторического контекста и индивидуальных траекторий.

Современная социально-экономическая система, традиционно сфокусированная на производстве и потреблении, постепенно эволюционирует в сторону так называемого «общества досуга». Центр тяжести в жизни социума смещается, по мнению ряда теоретиков, от «цивилизации труда» к «цивилизации свободного времени». Однако наметившаяся тенденция увеличения досуга таит в себе парадокс: зачастую это время используется не для творческого саморазвития личности, а лишь для рекреации, простого восстановления сил для дальнейшей работы. Досуг низводится до уровня развлечения, становясь логическим продолжением трудовой деятельности, что означает утрату его исконного, возвышенного смысла. Как показывают исследования, погоня за материальным благополучием истощает внутренние ресурсы человека, оставляя без внимания одну из важнейших функций свободного времени – раскрытие творческого и духовного потенциала [3]. Между тем, именно в этой функции заключены огромные возможности для гуманизации общества в целом.

Эту мысль тонко чувствовал и классик отечественной педагогики Константин Дмитриевич Ушинский. В своем фундаментальном труде «Человек как предмет воспитания» он предупреждал, что неумение распорядиться часами досуга ведет к деградации ума, очерствению сердца и упадку нравственности.

Исторический материализм, на десятилетия ставший доминирующей методологией в изучении общества, отодвинул на второй план теории антропосоциогенеза. Центральной категорией новой политической экономии, особенно в марксовом «Капитале», стало рабочее время, выдвинутое на авансцену Первой промышленной революцией. Его диалектическая противоположность – свободное время – долгое время оставалась на периферии научного интереса, но постепенно превратилась из «пасынка науки» в полноправный объект пристального изучения и острых дискуссий социологов и экономистов.

На заре XX в. нормальным считался рабочий день продолжительностью 10, 12, а то и 14 часов. Труд поглощал практически всё время активного бодрствования человека. То, что условно называлось досугом, сводилось к минимуму, необходимому для биологического восстановления: сну, приёму пищи и самым насущным бытовым заботам. Подлинно свободного времени – то есть часов, предназначенных «для образования, для интеллектуального развития, для выполнения социальных функций, для свободной игры физических и интеллектуальных сил» – у рабочего человека, по сути, не существовало.

С точки зрения политэкономии того периода, всё внерабочее время, как и само рабочее, было подчинено логике производства. Оно выполняло служебную функцию воспроизводства рабочей силы – своеобразного «ремонта» и поддержания в состоянии, пригодном для извлечения прибавочной стоимости. Карл Маркс отмечал, что при таком подходе всё время индивида монополизируется как рабочее, обрекая его на существование исключительно в роли «рабочего» [4, с. 247]. Это порождало жёсткий классовый антагонизм: рабочее время было уделом массы, в то время как «безделие немногих» создавало условия для развития культуры и интеллекта. Таким образом, рабочее и свободное время были не просто разными понятиями, а социально и экономически враждебными, разорванными категориями.

Однако, как отмечал Маркс, капитал по своей природе является «движущимся противоречием». Стремясь к накоплению, он объективно развивает производительные силы и повышает производительность труда, тем самым – «помимо своей воли» – создавая материальные предпосылки для сокращения рабочего времени для всего общества. Это открывает путь к высвобождению времени для всестороннего развития каждого человека.

Именно эта прогрессивная тенденция стала магистральной для экономики XX столетия. Если XIX в. вошёл в историю как эпоха экстенсивного увеличения продолжительности труда (благодаря Второй промышленной революции), то XX в., под влиянием Третьей промышлен-

ной революции, совершил качественный скачок в его сокращении. Впервые в истории широкие массы трудящихся получили реальную возможность посвящать творческой деятельности и духовному развитию объём времени, сопоставимый с периодом обязательного труда.

Эта динамика указывает на фундаментальный сдвиг: по мере количественного сокращения и качественной трансформации обязательного рабочего времени, неизмеримо возрастает социальная и личностная ценность времени свободного, отданного творчеству и самореализации. Оптимизм середины XX в. даже позволял некоторым экономистам и социологам прогнозировать скорое сокращение необходимого рабочего дня до 2–3 часов и наступление эры, где доминирующее положение в жизни человека займёт именно свободная, созидательная деятельность.

Советский философ Генрих Волков, размышляя об этой модели в 1965 г., отмечал её понятную привлекательность, но и её ключевое, на его взгляд, противоречие. Мор, по мнению Волкова, создаёт жёсткую и непримиримую оппозицию: труд как вынужденное, почти рабское занятие, противостоящее свободному, одухотворённому досугу [5, с. 112]. Однако современность (на тот момент – середина XX в.) демонстрирует иной, двуединый процесс. С одной стороны, рост свободного времени позволяет наполнять его не просто отдыхом, но и творчеством. С другой – сам обязательный труд, благодаря автоматизации и научно-техническому прогрессу, теряет черты изнурительной, монотонной повинности, приобретая элементы осмысленной, свободной деятельности [6]. Таким образом, «цивилизаторская миссия» индустриального развития, как полагал Волков, заключается именно в стирании жёстких границ между этими некогда полярными сферами человеческого существования, в их взаимном сближении и обогащении.

Чтобы понять глубину современной дискуссии о досуге, необходимо обратиться к его античным истокам. Греческое слово «σχολή» (схоле) изначально означало именно досуг, свободное от необходимости время, и лишь позже стало обозначать занятие в этот период – чтение, беседу, лекцию, а затем и саму школу. Таким образом, в самой этимологии заложена связь между свободой, образованием и высшими формами человеческой деятельности.

Аристотель в «Метафизике» проводит принципиальное разграничение, проводя линию между искусствами, созданными для удовлетворения насущных потребностей, и искусствами, возникшими для «введения в существование», для осмысленного времяпрепровождения. Первые он относит к категории «рабских» – они не обращены к исключительной, разумной природе человека, а лишь обслуживают биологические нужды, отнимая досуг и не оставляя пространства для подлинного бытия. Вторые – «свободные» искусства – ценны сами по себе, ибо направлены не вовне, а на развитие самой сущности человека, его способности к мышлению и созерцанию.

В «Никомаховой этике» Аристотель выстраивает концептуальную триаду: досуг – счастье – свобода. Философ утверждает, что счастье коренится именно в досуге, поскольку вся наша деятельность (включая труд и даже войну) является лишь средством для достижения мира и возможности этим досугом распорядиться. Истинное, «полное» счастье пронизывает всю жизнь и немыслимо без умения наполнить свободное время высшим содержанием [7].

Ключевой тезис Аристотеля заключается в радикальном противопоставлении досуга-созерцания и досуга-развлечения. С его точки зрения, считать развлечение конечной целью жизни – нелепо. Всякий серьёзный труд и переносимые тяготы ради последующих забав выглядят, по Аристотелю, «глупыми и уж слишком ребячливыми». Счастье – это не пассивное получение удовольствий, а активное, осмысленное и творческое состояние, достижимое через созерцательную практику и интеллектуальное усилие в пространстве подлинного, свободного времени. Таким образом, античная мысль закладывает фундамент для понимания досуга не как паузы между трудами, а как высшей цели человеческого существования, пространства для реализации его духовной и разумной природы.

Наследие античной мысли, в частности идеи Аристотеля о досуге, получило своё развитие в эпоху Средневековья. Схоластическая философия (в трудах Фомы Аквинского, Роджера Бэкона, Бонавентуры, Уильяма Оккама) продолжала развивать дихотомию труда и свободного времени. Христианская традиция, в свою очередь, придала этой концепции сакральное измерение, установив особый день для отдыха. Этот день предназначался не просто для безделья, а для принципиального переключения внимания с мирских забот на духовное созерцание, что позволяло человеку раскрывать иные, более глубокие грани своей личности.

Однако сложившийся баланс был существенно нарушен в период Реформации. Учения Мартина Лютера, Жана Кальвина и других реформаторов принесли с собой новую этику, в центре которой оказался профессиональный труд как высшая форма служения Богу. Аскетический идеал, направленный вовне, в мирскую деятельность, пришёл на смену монашескому идеалу созерцательной жизни, которая была объявлена социально бесполезной. Этот мощный акцент на труде, производстве и мирском призвании, при всей его исторической значимости, отодвинул на второй план иную, не менее важную антропологическую потребность – потребность в рефлексии, духовной медитации и самопознании, не связанных с утилитарной пользой.

Таким образом, произошёл своеобразный мировоззренческий сдвиг: внутреннее «окно», ведущее к постижению подлинного измерения личности через созерцание, было частично затворено. Примат активного действия над рефлексией, производительности над самоуглублением рискует оставить эту существенную часть человеческой природы невостребованной, лишая личность возможности познать себя за пределами своей социально-трудовой функции.

Середина XX в. стала поворотным моментом, когда философская и социологическая мысль вновь обратилась к проблеме досуга, но уже в критическом ключе. Исторически привилегия подлинного, осмысленного досуга принадлежала узкому кругу: в Средневековье – аристократии, в Новое время – представителям свободных профессий (художникам, учёным, литераторам). Просветительский проект нового времени лелеял надежду на демократизацию этого блага, стремясь расширить доступ к досугу как пространству саморазвития для всех.

Однако, как показали Макс Хоркхаймер и Теодор Адорно в своей знаковой работе «Диалектика Просвещения», этот проект потерпел ироничное поражение. Массовое высвобождение свободного времени не привело к расцвету автономного мышления и творчества. Вместо этого возник феномен, который мыслители Франкфуртской школы определили как «культурную индустрию».

Культурная индустрия произвела на свет «квазедосуг» – систему стандартизированных развлечений, направленных сверху. Кино, радио, позднее телевидение, превратившись в мощные бизнес-империи, стали предлагать не стимулы для рефлексии, а готовые продукты для пассивного потребления. Их главная функция – не пробуждать мысль, а усыплять её, создавая комфортную иллюзию интеллектуальной и эмоциональной вовлеченности. Как отмечали критики, эти продукты выстроены так, что, требуя от зрителя некоторого поверхностного внимания, они одновременно парализуют глубинные способности к воображению и самостоятельному осмыслению. Человек поглощает контент, не участвуя в сотворении его смысла, оставаясь пассивным звеном в гигантской экономической машине, которая контролирует его и в труде, и в «отдыхе» [8].

Эта тема тотального отказа от подлинного мышления в пользу потребления симулякров была позднее развита такими мыслителями, как Жан Бодрийяр. Он описывал общество потребления как мир самообмана, где индивидуальность растворяется в наборе статусных знаков, а погоня за счастьем подменяется бессознательным потреблением его иллюзорных образов [9]. Таким образом, избыток свободного времени в индустриальном и постиндустриальном обществе был не столько завоеванием, сколько новым полем для отчуждения, где досуг, вместо того чтобы быть пространством свободы, стал продолжением логики рынка и инструментом социального контроля.

Особый взгляд на проблему досуга предлагает немецкий философ Артур Шопенгауэр в своих «Афоризмах житейской мудрости». Он рассматривает свободное время не только как благо, но и как вызов, порождающий экзистенциальную скуку для тех, кто, пребывая в праздности, лишён внутреннего содержания. Такой человек, по Шопенгауэру, вынужден искусственно возбуждать свою волю через внешние стимулы – будь то игры, спорт, охота или азартные развлечения, – лишь бы заполнить пустоту времени.

Философ предлагает классификацию наслаждений, основанную на трёх фундаментальных силах человеческой природы:

– воспроизводительная сила (основные потребности: еда, сон, отдых);

– раздражимость (активная, аффективная деятельность: путешествия, спорт, борьба, танцы);

– чувствительность (высшая, духовно-интеллектуальная деятельность: мышление, созерцание, искусство, философия, познание) [10].

Шопенгауэр утверждает, что подлинное и устойчивое счастье напрямую зависит от того, какая из этих сил в человеке доминирует. Наиболее ценные и благородные наслаждения порождаются чувствительностью – той самой способностью к познанию и рефлексии, что отличает человека от животного. Именно её развитие открывает доступ к высшим формам бытия.

Далее философ проводит чёткую демаркацию между двумя типами людей. «Средний человек» интересуется миром лишь постольку, поскольку тот задевает его волю, желания и страсти; его существование – это череда мелких увлечений и «щекотания воли», часто оборачивающихся страданием и глубокой скукой в периоды бездействия. Напротив, человек «с избытком духовных сил» способен испытывать живой, бескорыстный интерес к миру через одно лишь созерцание и познание. Такой интерес освобождает его от тирании воли и переносит в «атмосферу веселой, легкой жизни богов». Его внутренний мир настолько богат, что сам становится неиссякаемым источником наслаждения, делая его независимым от внешних раздражителей. Он – подлинный наследник и собеседник великих умов всех эпох [10].

Таким образом, Шопенгауэр приходит к парадоксальному, но глубокому выводу: потребность в досуге – это привилегия и признак развитого интеллекта. Только тот, кто обладает внутренним богатством мысли, испытывает подлинную, ненасытную потребность во времени для обучения, размышления и созерцания. Свободное время для него – не угроза скуки, а долгожданная возможность, драгоценное пространство для реализации своей высшей природы. В этом рассуждении досуг окончательно перестаёт быть просто временем после работы, становясь мерилом человеческой глубины и залогом подлинной, самодостаточной жизни.

В рамках данного исследования досуг рассматривается в двух взаимосвязанных проекциях. Во-первых, как фактор, влияющий на раскрытие духовно-творческого потенциала личности. Во-вторых, как феномен, сам подверженный влиянию социально-экономических и технологических трансформаций. Именно эти изменения обуславливают актуальный поворот системы образования к гуманистической и антропологической парадигмам, а также к новой организационной форме – образовательной экосистеме [11].

Ядром гуманистической тенденции в образовании является ориентация на развитие целостной личности, на создание «человекоразмерной» педагогической среды [12]. Чем гармоничнее это развитие, тем более свободным и творческим становится человек. Из этого вытекает центральный принцип – принцип непрерывного общего и профессионального развития личности, который подчиняет себе все остальные педагогические принципы. Его реализация достигается тогда, когда обучающийся выступает не объектом, а субъектом педагогического процесса. Это обеспечивается синтезом деятельностного и личностного подходов, где последний требует признания уникальности каждого и формирования у него самого восприятия своей и чужой личности как высшей ценности [13].

Заслуга первоначальной разработки идей непрерывного образования в отечественной традиции принадлежит Константину Дмитриевичу Ушинскому. В своей фундаментальной работе «Человек как предмет воспитания» он обосновал необходимость обучения и воспитания на протяжении всей жизни. Уже в статье «Воскресные школы» (1861) Ушинский детально рассмотрел специфику работы со взрослым населением, указав, в частности, что привычку к осмысленному использованию свободного времени необходимо формировать с самого раннего, дошкольного детства.

В современном контексте непрерывного образования ключевым трендом становится формирование образовательных экосистем. Это подтверждается исследованием Московской школы управления СКОЛКОВО и организации Global Education Futures, в рамках которого были проанализированы более 40 таких систем по всему миру. Эксперты, в частности Павел Лукша, основатель Global Education Futures, определяют образовательную экосистему не просто как новый формат, а как принципиально иную управленческую парадигму. Её суть – в гармонизации образовательных процессов с динамичными социокультурными, экономическими и технологическими изменениями, а также в ориентации на потребности личности, которой необходимо гибко адаптироваться и учиться на протяжении всей жизни.

Данные исследования показывают, что этот подход ведёт к глубинным трансформациям: появляются новые форматы обучения и мышления, меняются модели сотрудничества и образ жизни в целом. Образование эволюционирует в сторону сетевых, добровольных и персонализированных моделей развития, где актуализация знаний становится условием профессиональной и социальной конкурентоспособности. Как отмечают авторы, такие экосистемы часто зарождаются «снизу» – от базового обучения детей, где само понятие «базового» может варьироваться от функциональной грамотности до приобщения к мировой культуре. В

перспективе образование рассматривается как путь к целостному мировоззрению, «выход в мировую экосистему», где фокус смещается с материальных ценностей на поиск смыслов, понимание устройства мира и реализацию человеческой сущности [14].

Этот взгляд напрямую резонирует с гуманистической трактовкой досуга как цели жизни, состояния подлинной свободы и главного условия для творческой самореализации личности. Иллюстрацией этой мысли служит азиатская притча о человеке, в которого вселилась змея. Долгие годы она диктовала ему каждое действие, а когда наконец покинула его, обретённая свобода оказалась пугающей пустотой – герой попросту разучился самостоятельно распоряжаться своим временем и жизнью.

Данная притча обнажает сущностное противоречие, лежащее в основе современной культуры досуга. Наличие свободного времени – это лишь формальное условие, количественный показатель свободы, её внешний контур. Однако сама свобода не сводится к незанятости. Её подлинная природа качественна и деятельна: это внутренняя готовность и развитая способность человека превращать временную пустоту в пространство для осмысленного творчества, рефлексии и развития.

Таким образом, подготовка к «правильному» досугу становится одной из центральных задач современного образования. Это не только вопрос личностного благополучия, но и условие построения более гуманного и творчески ориентированного общества. Будущее образования видится в создании экосистем, которые учат не только работать, но и жить полной жизнью, наполняя свободное время деятельностью, способствующей раскрытию человеческого потенциала.

## Литература

1. Штомпка, П. Социология социальных изменений / П. Штомпка ; пер. с англ., под ред. В. А. Ядова. – М. : Аспект Пресс, 1996. – 416 с.

2. Соколов, А. В. Феномен социально-культурной деятельности / А. В. Соколов. – СПб., 2003. – 204 с.

3. Рудакова, Ю. Е. Эффективная организация свободного времени человеком в условиях современного общества (сквозь призму социологии досуга) / Ю. Е. Рудакова // Молодой ученый. – 2017. – № 3 (137). – С. 519–521.

4. Маркс, К. Капитал. Соч. : в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – М., 1960. – Т. 23. – 920 с.

5. Мор, Т. Утопия / Т. Мор ; пер. с латин. Ю. М. Каган. – М. : Наука, 1978. – 416 с.

6. Волков, Г. Н. Эра роботов или эра человека? (Социологические проблемы развития техники) / Г. Н. Волков. – М. : Политиздат, 1965. – 157 с.

7. Аристотель. Никомахова этика / Аристотель ; пер. Э. Л. Радлов. – М. ; Берлин : Директ-Медиа, 2020. – 223 с.

8. Адорно, Т. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты / Т. Адорно, М. Хоркхаймер. – М.-СПб., 1997. – 312 с.

9. Бодрийяр, Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / Ж. Бодрийяр ; пер. с фр., послесл. и примеч. Е. А. Самарской. – М. : Республика ; Культурная революция, 2006. – 269 с.

10. Шопенгауэр, А. Афоризмы житейской мудрости / А. Шопенгауэр. – URL : http://lib.ru/FILOSOF/SHOPENGAUER/aforizmy.txt_with-big-pictures.html (дата обращения: 26.10.2025).

11. Кушнерова, Э. М. Соотношение досуга и квазидосуга как философское основание рассмотрения проблемы формирования творческих компетенций / Э. М. Кушнерова // Общество и экономическая мысль в XXI в. : матер. Междунар. конф., Воронеж, 3 апреля 2025 г. / Воронежский филиал РЭУ им. Г. В. Плеханова ; редкол.: Ю. В. Вакулин [и др.]. – Воронеж, 2025. – С. 441–445.

12. Кучеренко, К. В. Теоретические основы формирования идеи человекоразмерного образования / К. В. Кучеренко // Молодой ученый. – 2015. – № 2 (82). – С. 531–533.

13. Аргунова, М. В. Экосистемный подход как новая парадигма образования / М. В. Аргунова, Д. В. Моргун // Непрерывное образование в контексте будущего : сб. науч. ст. по матер. IV Междунар. науч.-практ. конф. – М., 2021. – С. 19–24.

14. Лукша, П. Образовательные экосистемы : возникающая практика для будущего образования / П. Лукша, С.-К. Джессика, Дж. Кубиста. – URL: https://www.skolkovo.ru/researches/obrazovatelnyeekosistemy-voznikayushaya-praktika-dlya-budushego-obrazovaniya (дата обращения: 20.03.2025).

Гомельский областной институт
развития образования

Поступила в редакцию 25.02.2026